

ПАПА, РАЦИИ

ВЛАДИМИР БАУЭР

издание второе

rkpublishing

санкт-петербург
2012

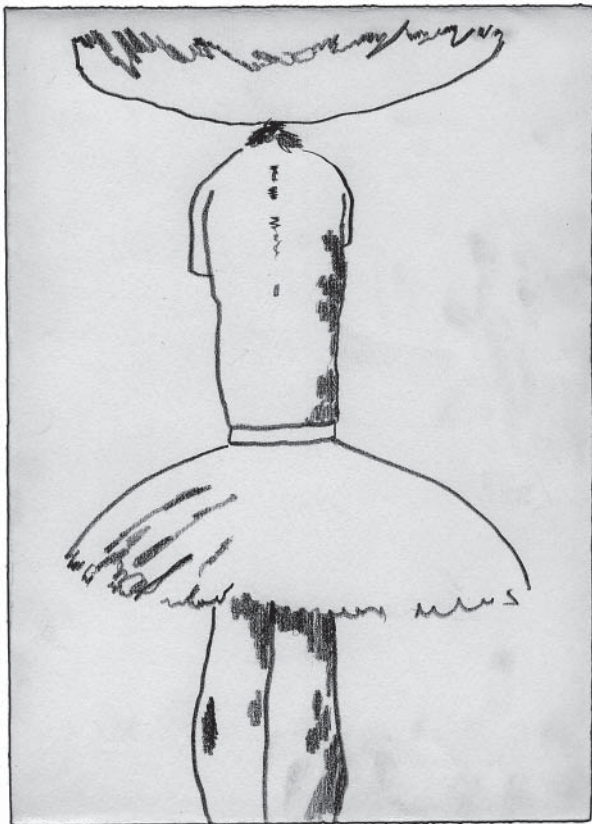

* * *

Летает легкая порфира
над окиянами страстей,
одним лишь гласом майна, вира
и управляется, ей-ей.

Так ты, пиит, гневлив иль нежен,
своим языком без костей
распоряжайся.

Понт безбрежен.
И нет запасных лопастей.

ЗНАКИ ПРИДЫХАНИЯ

* * *

После нежности этакий ноль наступает,
и молчание наше с тобой сепаратно.
Ветер носит лишь то, что собака наляет.
Пред глазами роскошные желтые пятна.

Оживает лимонное сдутое сердце,
наполняется заново некой трясиной.
И, напомнив себе дурака-иноземца,
улыбнись и кивну, что бы ты ни спросила.

То, что сблизило нас, превратилось в какой-то
незатейливый миф, вариант Вавилона.
Нужен новый огонь, а иначе когорта
просочится теней из остывшего лона.

Этот сумрак, ворующий у прозябанья
формы внешние, способ слияния с серым,
между мной и тобой исказит расстояние,
заморочит, отдаст на поживу химерам.

Ничего не получится без передышки,
без дремучего глада – ни рая, ни лая.
Но – докурим, и только: откуда дровишки? –
сможешь выдохнуть, щепкой безумной пылая.

Я, наверно, уже обречен на такое
беспреданное об ерунде говоренье.
Прижиматься в жару в переполненном стоя
под шаманскую музыку сердцебиенья.

И дракон одиночества дышит в затылок,
и проносятся скопом фальшивые ноты...

Ритуал из молчанья, улыбок, заминок,
бронзы новенькой, стертой бельем позолоты.

* * *

М.Б.

Взгляни, – соцветие актеров:
тычинка, пестик, лепесток.
Так вот в чем счастье – без повторов
и выходов на монолог.

Бессонница, глухая строчка
о чем-то темном и былом.
Любви застывшей оболочка –
гудящих фраз металлалом.

Я что-то делаю не так, но
какая разница теперь,
когда кривляется бестактно
безумная чья-то дщерь.

Чиста, возбуждена вниманьем,
и тоже счастлива, небось,
неизлечимым упованьем
пронзив глазающих насквозь.

Когда свистящая огласка
все наши смычки отстучит,
а неумелая развязка
воспоминанья омрачит, –
настанет время без обмана
существовать пред пустотой.
Ни брадобрея, ни душмана
не обнаружим в песке той,
свежо которую, хоть скверно,
вовсю аффектами бренча,
сыграем, как-нибудь, наверно,
проклятья в задник бормоча.

* * *

Пойдем, на улице побудем,
слова на ветер попускаем,
подышим снегом водяным.
Авось любовь свою разбудим, —
прикинь, она прозревшим Каем
прильнет к окошкам слюдяным.

А знаешь, хоть и дура рифма,
но ты на Герду впрямь похожа,
большую снежным королем.
Кому из нас, не знаю, хуже, —
хоть у меня теплее лимфа,
но мой сурок при нем.

Покурим, может быть, поладим,
одежды будничные скинем,
насытив алкоголем кровь.
То счастье впереди, то сзади,
а мы всегда посередине, —
такая вот любовь.

Винить тебя — что стричь ребенка:
чихнешь, и ушко станет ало.
Не плачь, не плачь, не плачь, не плачь.
Все, что упало и пропало,
отыщет боженьки гребенка,
прикатит жук-рогач.

Но если правда, что гормоны
шумят напыщенно, а мясо
людское мучит вышний глаз,
то специальный взгляд Медузы
(не зря же — матери Пегаса)
накрыл по делу нас.

* * *

А. Б.

В бесслезном космосе анютой пылевою
ты скоро распадешься на восторг,
тоску и голос.

Там, вдали, троясь,
даря воспоминаний темных транши,
останешься в значении буквальном
звездой. На большее не соглашаясь
из принципяльной хладности звезды.

Зачем ж комочек плоти аскетичной
хочу теперь обнять?

Очарованье
разочарованья захотелось что ль вдохнуть.

Резиновой от фрикций бездыханных
обидной тишиною надыхаться.

* * *

Часто ищешь в человеке что-то,
а находишь в ком-нибудь другом
нечто (слог, конечно, идиота),
и не нужно то, искал что в том.

Взять, к примеру, эти вот струенья,
фибры те, которые душа
распускает...

Вдруг на день рожденья
попадешь — и водку пьешь, спеша.

И тебя уже, моя смешная,
мне не жаль, как прошлого, ничуть.
Смех и грех в один стакан мешая,
я смогу забыть тебя, уснуть.

Пусто-пусто — вот, наверно, слово
что не мог найти, пока с тобой
был ли, не был? — раб влеченья злого,
приказавшего: заткнись и пойд.

Жаль, безумье, окатив волною,
отступает, пенясь и шипя.
Что случилось, спросим,

как такое...

н
нету нету е тебя тебя
т

* * *

Зачем меня не видеть хочешь.
Нет, нет, я слышать не хочу,
что в трубку пошлюю бормочешь,
и сам напрасно бормочу
слова постыдные, с накалом
клозетной лампы, зрящей в кал,
одной лишь, мнится, связью с калом
и длящей мутный свой накал.

* * *

Теперь ряды мои редуют,
под пулями я упадаю,
от смеха грудь не молодеет
опустошенная...

Когда я
пытаюсь быть, небытие уж
опрятнее и пахнет гарно.
И от прозрения желтеешь —
как эта женщина вульгарна!

Наверно, лучшая потеха —
уйти и не оставить спермы.
Пускай во лбу дымит прореха —
по крайней мере, просто...

Верь мы
в иной варьянт — кино другое б
под небом грамотным вертелось.

К мечте пристроиться щекою, —
какая чушь, какая смелость.

...В прокуренном трясясь, с любимой
на полке верхней качке вторя,
лететь к тоске неотвратимой
в глухой провинции у моря.

Пока вращаются колеса,
пушай очарованье тлеет,
пока попутчик красноносый
на нижней слушает, балдеет.

Предельной ясности уродцы
плясать начнут еще не скоро,
из влажных уст не раздается
еще упрека и укора...

Отважней нету варианта,
но отмахнемся — слюни, ересь.
Нам не покинуть воровато
сей город, где зима расселась.
Где лица постны и тверезы,
где в духе черно-белой прозы
стихи слагают, а морозы
здесь останавливают слезы.

Околевай же сгустком были,
В котором тускло, слякоть, пенье.

При виде мест, где вместе были, —
нелепое сердцебиенье.

* * *

В Германию, к маменьке — пошлость какая —
приехал, и стало, блядь, скушно.

Какая

бодяга записывать это тупая,
с торпедою сравнивать тело трамвая.

Записки ебал эти в рот путевые.
Прямые ли улочки были, кривые,
слюнявого замка сусальные башни
да мельницы ветряные на пашне...

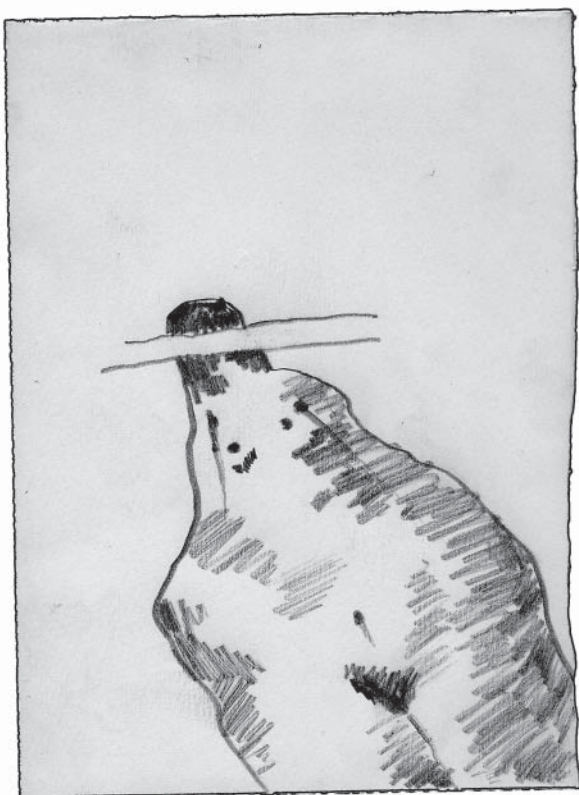
— О чем, бишь, шумишь?
— Да, вот, знаешь, не знаю.
Слова в гармонический ряд расставляю.
На Дрезден взирая, ворочая выю,
игрушечную, вишь, пою ностальгию.

Любовь подвела, и София свинтила.
Духовная пицца с зубов крокодила
шипучкою адреналинной, летейской
не балует ныне в ночи европейской.

... На звезды глядеть, слушать речь, не вникая,
мамзели грубить — *danke schön*,

Навзикая,—

и, тело восточногерманское холя,
надсады искать, и смущенья, и горя.

* * *

Прикинь, мне тошно, оттого што
ты свадьбу с чушкой из Гента
соорудила так истошно —
еще, считай, вчера, раздета,
закрыв глаза с меня тянула
забытую нарошно шмотку...
А вот уже летишь, акула,
жрать можжевеловую водку.

Да, знаю, тыщу раз случалось,
и даже более небрежно.
Марыся, ты со мной — случалась,
а я — любил тебя, канешно.

Што в том теперь? — не ссы, не сдохну
и пить до чертиков не стану.

Найду какую-нибудь Домну —
греть грудь утесу-великану.

ДО ЛЕТА!

смерть лошадка смерть мотоциклистка
В. Кривулин

Вчера отпет Кривулин,
раком
утащен в мрачную нору.
Он шёл всегда по буеракам
словесности российской.

Тпру,
лошадка, стоп теперь, машина,
пробито лёгкое, как шина,
иссяк стихов колючий рой,
лежит во гробе наш герой.

Над ним кадили, толстобрюхи,
аж три противных попа.
Но вряд ли мучилась Псюхе
Кривулина.

Умрёшь едва —
к любой хладеешь уж порнухе.
Безмолвствовала и толпа.

Семидесятников брадатый
и гладковыбритый кагал.
И мякишев, как хуй с лопатой,
меж них со свечкою стоял.
В союз писак свежепринятый,
тож, вероятно, горевал.

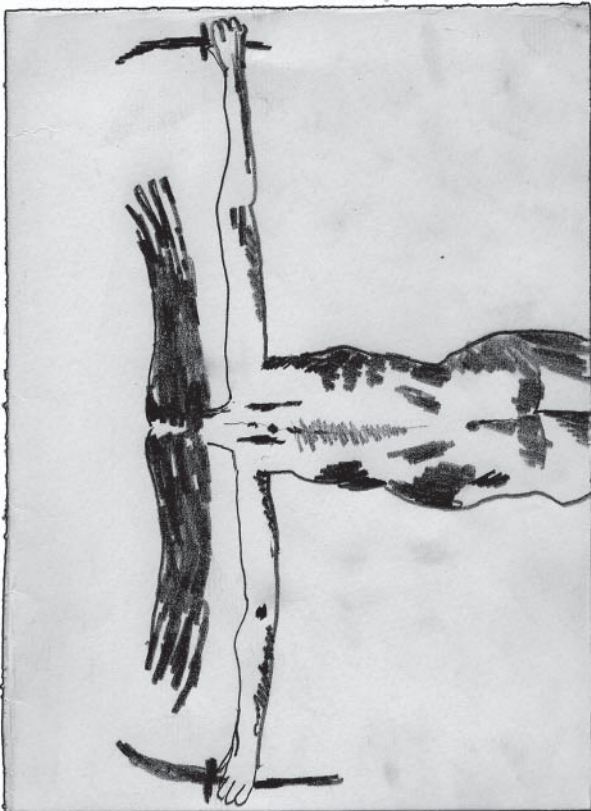
Текли к Кривулину, алкая
общенья чудную струю,
а взад, бледнея и икая,
брели, ругаясь: мать твою!
Ах, чем спасти он мог, играя
в игру заведомо ничью.

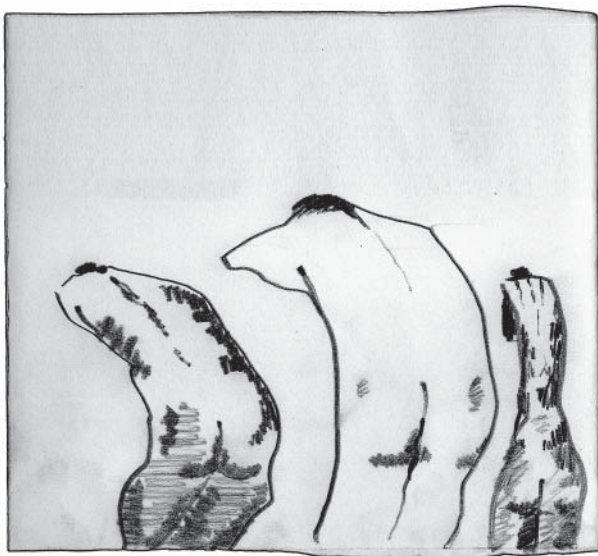
Что мог открыть, клюкою тыча,
стиха расейского Гарринча,
команд сменивший легион.
Чтоб не залезть в маразм с ногами,
не обрастай учениками —
таков Кривулина закон.

Прощай, недугом умерщвленный,
собрат полупрочтённый наш.
Что нынче станет со вселенной,
когда затих твой карандаш?
— Н е в з р ы в, н о в с х л и п —
из книжной стенки
строка холодная слетит.

В земле промёрзшей, близ Смоленки,
лежи, лежи.

И он лежит.

* * *

Запала мне в душу статья о душе,
я больше не трушу погибнуть уже,
не жаль мне пожарищ и деток, а всё ж —
ну что ты, Товарищ, за пищу клюёшь?

Тщета, оболочка, психейный прикид.
... Вот боцмана дочка под юнгой юлит,
под окрики чаек пронзает их нож...
Ну что ж ты, Начальник, кровятину жрёшь?!

Летает гиеной который уж век
по-над ойкуменой бездушный абрек.
И молятся твари — спаси, сохрани —
у, постные хари, о, краткие дни!
Э, видишь ли, Пётр, а знаешь ли, Павл, —
всеяден сей ротор и пагубен пар.
Накроет и вдарит — так, страхи струя,
стервятников манит согбенное “я”.

А что уплывет на небесной ладье —
списали давно по скабресной статье.

Тягостный напряг

*Стократ благородней тот,
кто не скажет при блеске молнии:
“Вот она, наша жизнь”.*

Басё

И мы, сменившие высоты
торжественные на остроты,
торчмя торчащие, увы,
когда-то станем тож мертвы.

.....

Без сожаленья гроб безвольный
поднимет гопник молодой.
Начнет мотивчик меланхольный
нести оркестрик продувной.
Два-три комочка кинет глинки
какая-нибудь шапокляк.
И по дороге на поминки
повиснет тягостный напряг.
Прощай, стократно благородный, —
никто не скажет побледнев.

Лишь молнии огонь холодный
запляшет на телах дерев.

Утреннее

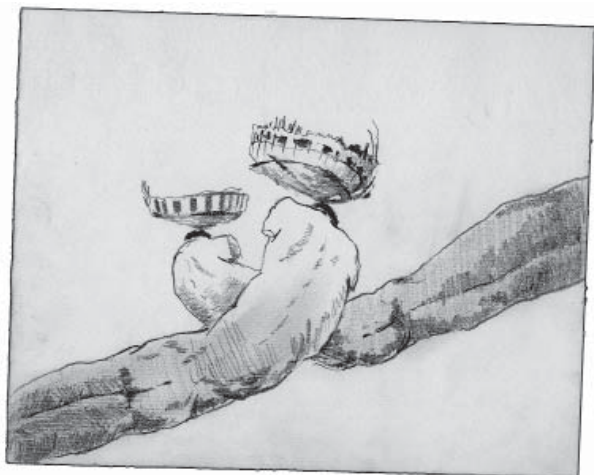
Сцепились ресницы, как черви,
в постели лежишь, как в гробу
лежат, пока ангел врачебный
свою не достанет трубу.

Но что это будут за звуки?
Укроется где темнота?
И сердца истлевшего стуки
чем смогут пресечься тогда?

Форма

Конечно, и в то время тоже водились поэты, как водятся птицы,
но стихи их хромали на каждой стопе.

А. Франс, "Восстание ангелов"

Существование в пространстве,
которое бы обошлось,
творит с литературным вкусом такое, что не приведи.
Ну, хочешь, хочешь, я спокойно
продену насквозь через насквозь.
Верь, от того, на что способен я, солнцу холодно в груди.

Да, мы, поэты-отморозки,
немало вам разверзнем бездн
и в каждую читак десяток неправдами, да наберём.
Кто как не знаю, со своими ж
недолго буду я любезен,
сожгу избу-читальню на хрен, окончен — заору — приём.

Мне что-то кажется и манит
к себе невидимой рукой,
и вызывает жженье, бьенье, круженье, стыдно молвить,
страсть.

Находится сие виденье
между трактиром и тоской,
в ту щель пролез однажды ангел, ему ведь нечего терять.

Уж он-то знает, что пииты,
забытые, как ты да я,
летают птичками немymi, овса рифмуя с небеса,
пока не заклюет их ястреб,
круги безумные кроя,
осенним криком оглушенный, простым, как кесаря коса.

Ну что ж, ну что ж, пока летаем, пока еще не кончен тайм,
пока молчливые нейроны
вертятся в бешеной башке, —
смерть — улыбнемся — не стареет, и все — чирик —
в последний рейд,
выписывая петли, бочки,
срываясь в вечное пике.

* * *

И вот ты плачешь и рыдаешь
и где еще подземный куст —
ну разумеется, не знаешь.
А мир бессмысленен и пуст.

Лишь светит месяц — ясный, ясный,
под ним сребрится лес напрасный,
речушки, рыбами полны,
петляют, корни напяля.
Зачем же слезы, дорогая,
струить под ласками луны.

Да, — холод, холод, и навеки.
Но так умнеют человеки,
так мысль разрозовляет плоть.
Так точность торжествует сухо.
И глухоту родного слуха
пииту уж не побороть.

Что ж, звук неважен. Что в остатке?
В беззвучной уцелело схватке
что, верной скуки окромя?

Землистых ль слов червивый запах?
Лиловый ль на еловых лапах
блеск?

Лепет ль губ: Не мучай мя?

* * *

И даже если обо мне сейчас
с безумною прохладой размышляешь, —
наверняка холодный унитаз
и блеклые обои вычитаешь
из вызванного треньем наших тел —
не знаю как теперь назвать — миража?

(Тень Бродского тревожить не хотел.
Стишок пропал.
Невелика пропажа.)

* * *

Листья желтые кружатся
и на паперти шуршат.
— Сколько можно размножаться? —
я спросил Упанишад.

Что об этом на брахмодье
толковали мудрецы,
перервется ль половодье
незатейливой пыльцы?

Успокоится ль Брахмана
восхитительный Атман,
скоро ль сгинет облизьяна,
мерзкий коей дых придан?

Ну же, Брихадараньяка,
Шветашватра, дай ответ,
у какого маниака
в Индью духа брать билет?

Чтоб, в слепую тьму вступая,
мысль излечив от дум,
протрубить: “Не надо рая.
Грянь, священный звук Аум!”

— А из нашего окна
Петропавловка видна.
— А из нашего окошка
слышно, как стреляет пушка.
А с платформы говорят:
это город Грозный, блят.

Прекращай-ка хит-парад,
сочинитель оловянный,
переделкин окаянный,
сухорук, лыс, хром, безбрад.

...Хоть работай, хоть сачкуй,
не снисходит муза вздорна.
Сей, ответственность страхуй, —
чахнут, гибнут тощи зерна.

О, недвижности тщета,
у, тщедушные метанья!
Плачь, оплачивай счета
по застройке мироздания.

Плачет миленький сверчок,
плачет зайка белобрысый,
плачут Ванька-дурачок
и гетера Василиса.

Небо красное горит,
завершаются расчеты,
наслаждается пиит
видом крови и блевоты.

Тот, кто хочет, будет быть,
а хитрейший — забытья бы —
нить, канючить...

Ткется ль нить?
Ну, мотается ль хотя бы?

Я тебе еще скажу,
зверский век мой кровофильный, —
боле уж не дорожу
ни любовью обильной,
ни свежатиной ланит
лестригонки аппетитной,
ни...

Но чу! Там-там гремит.
Все смешалось.
Но петит — мой.

P.S. — А из нашего окна
пропасть красная видна.
— А из нашего окошка —
ярко-красная морошка.

А с платформы говорят:
это празнишный наряд...

* * *

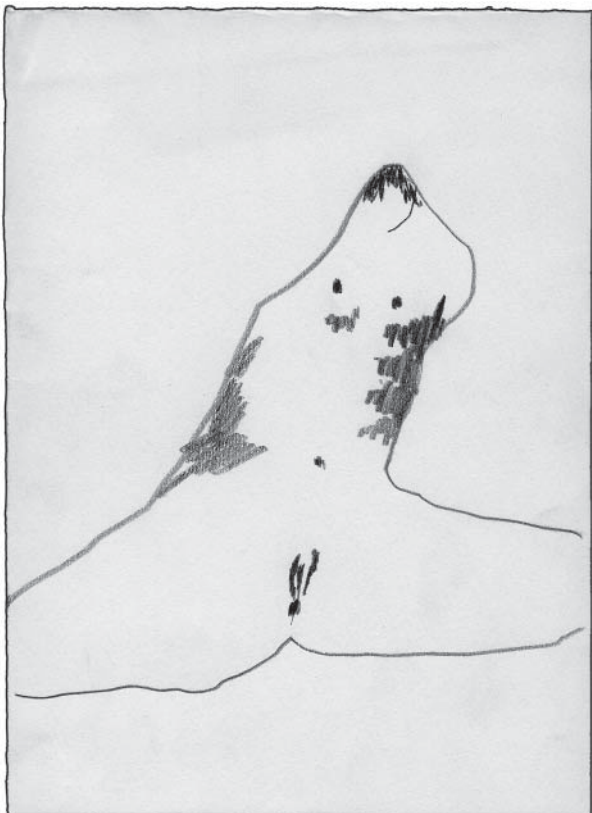
не хочу я гаю
не хочу я свету
а хочу Володю
хоть с того свету

я ему стану
чинить носочки
буду любить
все подряд ночки

ах забьётся сердце
от счастья пташкой
даже отпущу
с наташкой и машкой

встану на стул
чтоб не захлебнуться
пусть там без меня
с любимым ебутся

чтоб не улететь
налажу веревку
то-то рассмешу
веселого Вовку

ТРОПИК ТЕЛЬЦА

Рождество

Муж уехал — клоуны остались,
ты кончаешь, плача и смеясь.
Что ни вечер, то психоанализ,
Гильденстерна жуткий фортинбрас.

Механизма музыки дичайшей, —
не страшись свирепого смычка.
Упивайся функцией редчайшей:
быть не адом, не слезой, не гейшей —
маяком вселенского зрачка.

Ты — из пены новое мочало,
сладкого греха беда начало,
за тобою череда темнот.
За тобой из небытья люблюсь...
Что за люди! — подавай им бурю-с.
И летит-блудит борей-урод.

Угадай, кто во всеядном смерче
уцелел, не пожран мутной мглой?
Кто спасен прививкой гуттаперчи
в назиданье верности гнилой?

Вот те жисть — развалы и провалы,
а изволь конфетку из неё
произвесть.

Надежды филиалы
развернуть.

И чтобы губы алы,
чтобы всем бы счастье сие!

... Шум безбожный, толкотня, прощанье,
на троих бухое волхованье.
Балтазару хватит: в доску пьян.

Новый год тротилом начинают.
Муж уехал — клоуны кончают.
И звезда блесит, — Альдебаран.

Идеал-бормотание

зимы идеальную заумь

идеал — бормотание крик не спасет
не дотянется ангелы лица наморщат
будто вонь ощутив
несомненно смысл Прекрасного —
не в блаженном лице
а избранники божьи — чересчур идеальная
точка отсчета
но двигаться надо
к изысканной речи

чревато волками движение
образно если ну да лапидарно ага произнести
бывает осмысленность словно овечка
становится жертвой
лесная угрюмая речь
темнеет блуждает по тропам обманным
ночь ухмыльнется незримо
бессмысленно

но какое до этого девочке дело
на робкую ведьму похожа
нежна
если целуется трется лобком об колено
кожа мерцает
что с ней делать когда уже выебал
что-то бормочет во тьме
идеал

ну когда же прозренье приидет ко мне
глаз ли третий чувство ль седьмое
я его уже месяц как жду
с нежной ведьмочкой шуры
да муры развожу
по кафешкам
ликер ананас полутьма
добиваюсь изыска в банале
доволен исходом
опять же кривулин советует
вова без рифм попытайся
не столь уж и грубо по нынешним по временам

тоскливое лето
сползает беззвучно в хитрожопую осень
сперва даже солнышко светит
бабы в кайфе
дожди же попозже но сволочи без перерыва
бормочут о бренном
приносят зевоту простуду

Голубка

*Знаешь ли, моя голубка,
Ласковый мой снег...
Н. Кононов*

Верешь ли, моя голубка,
снеговой мой смех,
что тебя моя залупка
любит пуще всех,
что твои глаза-базеды,
с льдинками на дне,
для щекочущей беседы
годны лишь одне?

Знаешь ль, как твои тягучи
губы – те и те,
как крупу роняют тучи
в полной темноте?
В желобе бобслейном – вру? нет? –
вечнобелых ног
век лежал бы – нет, не дует, –
наг и одинок.

Видишь ли, как крутит вьюга
месяц-бумеранг,
и не Хулио, но Уго
в дверь стучится как?
Чуешь ль, что могу вмешаться,
но торчу, молчу,
и – поздняк теперь метаться –
с бритвою шучу?

*Утомились орудья любви,
Страсть иссякла, но пламя былое
Дотлевет и бродит в крови,
Уж не тело, но ум беспокоя.*

Н. Заболоцкий

Мечтают волны языком
лизнуть того, кто к ним влеком,
мечтают пенные валы
взойти на острие скалы.
Лишь ты, в мечтах не зря резона,
в прохладную девичью плоть
вплываешь, как в кита Иона.
С тобой, о господи, Господь.

Смысл саблезуб, а гений — прах.
Бодаться в бытия волнах
перед тщеты угрюмым зраком
идут богатыри, немые,
метают твердые громы.
Ундины ждут уж рифмы **раком**.

К чему любви грустить о злой,
мгновенья жать на тормозной
рычаг, когда от лон пресладких
земная ломится кора,
вселенной слезы до утра
бурлят в стручках, пузырятся в лопатках.

О, с каждым спит когда-нибудь
Лолита — плоть цыплячья, грудь,
как водится, прикрыта чуть,
в ладонь с запасом входит, юрка.
Прильнет, мечтатель, — жди бодрей,
из-за семи к тебе морей
зело точеная фигурка.

Скажу душе под песий лай:
моя твоя не понимай,
слетай на допотопном бризе —
пар, промокашка — в окяян,
взглянуть из трансцендентной близости
на волн мечтательный бурьян.

Приди, потешная тоска,
налью тебе, глумясь, кваска,
печаль моя, — о да! — низка,
кружат страстишки-лилипутки
вкруг фалла верного мово,
не замечая никого.

Нахлещутся ужо цикутки.

Тот рай

А что на самом деле
желаешь, братец, ты
в тот час, когда постели
всех женщин заняты.
И (новость!) не при деле
остался только ты.

Вокруг наждак объятий
уверенных теней,
жест уплоченных платий
да наготы елей.
Занятнее занятий
попробуй поимей.

Затем ли медлил слиться
с какой-нибудь одной,
что струсил додолбиться
до пустоты сырой?
(Сперва на кончик шприца,
а после — с головой.)

Так вслушивайся ж чутче
в чужую страсти речь,
в ее дыханье — сучье,
опасное сиречь.
Сочны в сей зоне сучья
и горяча картель.

Когда ж во тьме гудбая
айQ предъявишь свой,
то, может быть, до рая
дотянешь по кривой.

Где флегма голубая,
бурвчик золотой.

Женский день

Помнишь время налитое? —
залетали на лету,
успевали, догоняли,
шли по лезвию без мук...
А с тех пор, как подписалась
не писать белиберду,
влез в натруженную душу
отвратительный паук.

И теперь до благозвучья,
благолепия, говорю,
мне, печалью омраченной,
никакого дела нет.
Муку с мухой рифмую,
гвоздь дарю волдырю,
ладный, радуюсь, однако
получается куплет.

Время, о зачем маразмом
оплетаешь сирых нас?
Что за бисовы проказы
деются на небесах!
Существую, как в джаз-банде
непременный контрабас:
струны рвёшь, а слышат дудки
и ударника бабах.

Речь прямую, никакую,
стозевотну и лайй
изведи на папильотки,
муза хмурая моя.
За меня мой текст напишет
соплеменник-краснобай.
Пиздобол, шакал, вонючий
пидор, гнусная свинья.

* * *

Бутылку пластиковой воды
нашли и поняли — город рядом.
А нам и нужно как раз туды —
к делам, друзьям, кабакам, няядам.

Там целлулоид и каучук,
кристалл, вмонтированный в люминий,
не мучит ухо галдеж пичуг,
засевших в кроне манерных пиний.

Дай расцелую тебя, асфальт,
дай, банкоматик, просуну в щёлку
нежнейшую из кредитных карт —
подкинь банкнот городскому волку.

...Нас хмуру грабили лесники,
пейзанки драли за хлеб и ласки,
собаки, вывалив языки,
бухое **фас** от придурка в каске
сожрали с яйцами заодно б,
но скромный ангел-управветрами
шепнул: все в кайф, аусвайс тип-топ.

И глухомань блеванула нами.

* * *

Когда играем в хуйзабей
с безумным Пятчком,
то все животные в лесу
становятся рачком.

Чернеет глист, бледнеет дрозд,
не плещет мурава,
а мы, гыгыкая, творим
последние слова.

Что альтер-яго шепчет нам
злодейским шепотком,
то и танцуем мы, кружа
с железным молотком.

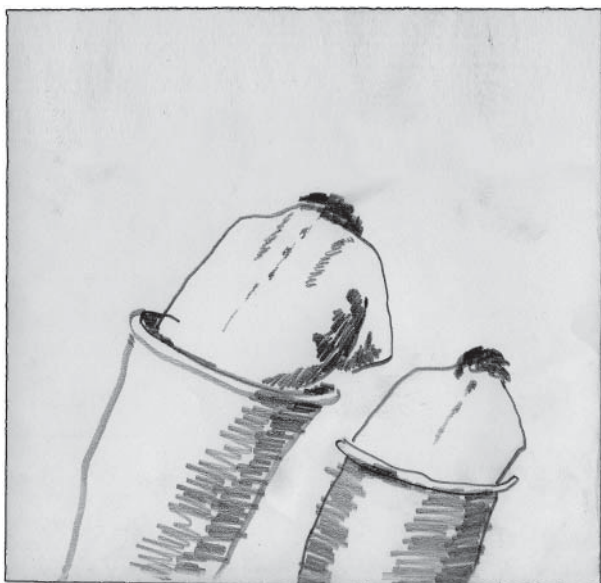
Что ветер, уши прожужжав,
влагает нам в уста,
то и орём, как Чик и Трак,
с Ослиного моста.

— В какой Швейцарии кондом
путь держишь, князь Гордон,
червивый суп с каким котом
буравит твой нейрон?

— Зачем, теряя мысль за хвост,
бесстыдно, кверху дном,
поставил пьеску Б о к с в р а ю
в Разрездене одном?

хором:

— Куда свирепая труба,
бездонный барабас,
как, блядь, троянских говнюков,
выстреливает нас?

* * *

Мне нету дела, нету дела,
до вас, вдуй-девочки мои.
Сочувствья мышца омертвела, —
но тело ж дышит!

Вот, струи
любовной плотский раб, влачуся
(тут бьётся “за”, как стрекоза
в ладонях. Ну же, просим:)
— Муся,
засунь за щёку! зри в глаза!

* * *

Нам что хотелось бы иметь,
иметь хотелось б что?
Безумных труб глухую медь,
или хуйню барто?
Хуйню! Хуйню! — мы говорим,
ухмылки не тая, —
ведь все равно в аду сгорим,
моя любимая.

Когда, рассудку вопреки,
мы делаем выбор,
в том виноваты тростники,
их молчаливый хор.
И ядовитая халва,
и известняк слепой,
и, понимающий слова,
восставший мой гобой.

Ужо получим мы сполна
за выбор свой сплеча.
Нас смоеет терпкая слюна,
мутна и горяча.
Нас разберет водоворот —
ау, разгадка тут:
все-все, кому кончали в рот,
в глаза нам наплюют.

И вот, на этом самом, за
геранью языка,
я начинаю понимать,
как ты мне далека.
Как широка и как чужда,
пизда, заткнись, пизда.
Я был веселый мотылек, —
светлив, сметлив, легок.

А нынче что имею — склеп,
пупырчатые сны,
и масло мажу я на хлеб
с обратной стороны.
И булку сладкую жуя,
глюкозы не иму.

И не смешно мне ни хуя,
не знаю почему.

* * *

Когда пошла беседа,
и темка горяча —
пиздуй пизда отседа —
прикрикнешь сгоряча
на выпуклую деву,
но будит совесть фалл.
И гладишь женевьеву —
прости, не то сказал.

Вот так и просираешь
Потайное зерно,
И западает клавиш,
И на душе черно.
Лишь фаллос крутобокий
Доволен, моралист.
О, жребий мой жестокий!
О, край роскошных пизд!

Но, может быть, преглупо
судьбу такую клясть?
Где счастлива залупа
(нежнейша наша часть) —
там и душа паренье
должна осуществлять.

(Ну, блядь, стихотворенье,
пиздотворенье, блядь!)

Мумуза

Муму сегодня злится злится злится,
Муму Муму Муму Муму Муму.
Ей хочется, взлетая, словно птица,
крылами рассекать ночную тьму.

Строфу ты эту выбрось выбрось выбрось,
ты людям не показывай её.
А то случится злого смеха выброс,
утопит на фиг всё твоё бытьё.

А мне а мне а мне а мне нет дела.
Строфа сия явилась в сладком сне.
И если если муза офигела,
то фиг ли вы в претензии ко мне?

Я сам страдаю, жизнь моя ужасна,
помоев вечно изо рта ушат.
Но с этой ночи все предельно ясно:
поэзии полезен мой джихад.

Пусть лопнут все неверные болваны,
пусть писари кишечник надорвут —
и вот тогда считать мы станем раны,
и штиль высокий выкуем из руд.

Собрата глас в пиру не будет лишний,
приял коль огонь духовный, им палим.

Всю ойкумену кривды испепливши,
пейзаж пейзажский вызлатив,

взорлим!

Антидепрессант

Сегодня можно снять декольте у Мани
и получить от того ритмичное удовольствие.
Нынче можно и музу раздеть до нитки,
но от пупса без бюста драйва – ах! – никакого.

Заводит песню смерд и шарманку крутит:
эх, – дребезжит, – Уяляюм, – а барды-то все –
гитарные.

Струнка, стружка, крошка, – отдайся, дева.
Сколь же радостней гладить травку, впитывать соки.

Найти бы этот ключ, где настой стиховый
бьет невпапад, распалая ждущие наводнения
десны жухлые, нёбо в коросте. Речью
исковерканы губы.

Что ты можешь взамен мне?

Биенье сердца? крови шуршанье? ласки
тоненьких пальчиков? негу, шёпоты, придыхания
знаки?

Что же, неплохо, подумать надо,
затянуться покрепче, выдуть модус ответа.

оратор лайла магма рапира колко
качка кишки ча-ча-ча окорок карапузика
эркер кафка тахта далида зараза
визави мериме гаага колокол сносно

Летает легкая порфира

ЗНАКИ ПРИДЫХАНИЯ

После нежности этакий нуль наступает... 6

Взгляни, – соцветие актеров... 7

Пойдем, на улице побудем... 9

В бесслезном космосе анютой пылевою... 11

Часто ищешь в человеке что-то... 12

Зачем меня не видеть хочешь... 13

Теперь ряды мои редеют... 14

В Германию, к маменьке – пошлость какая... 15

Прикинь, мне тошно, оттого, што... 17

ДО ЛЕТА!

Вчера отпет Кривулин... 21

Запала мне в душу статья о душе... 23

Тягостный напряг 24

Утреннее 25

Форма 27

И вот ты плачешь и рыдаешь... 28

И даже если обо мне сейчас... 29

Листья желтые кружатся... 31

А из нашего окна... 32

Не хочу я галю... 35

ТРОПИК ТЕЛЬЦА

Рождество 39

Идеал-бормотание 40

Голубка 43

Мечтают волны языком... 44

Тот рай 45

Женский день 46

Бутылку пластиковой воды... 47

Когда играем в хуйзабей... 49

Нам что хотелось бы иметь... 51

Когда пошла беседа... 52

Мумуза 53

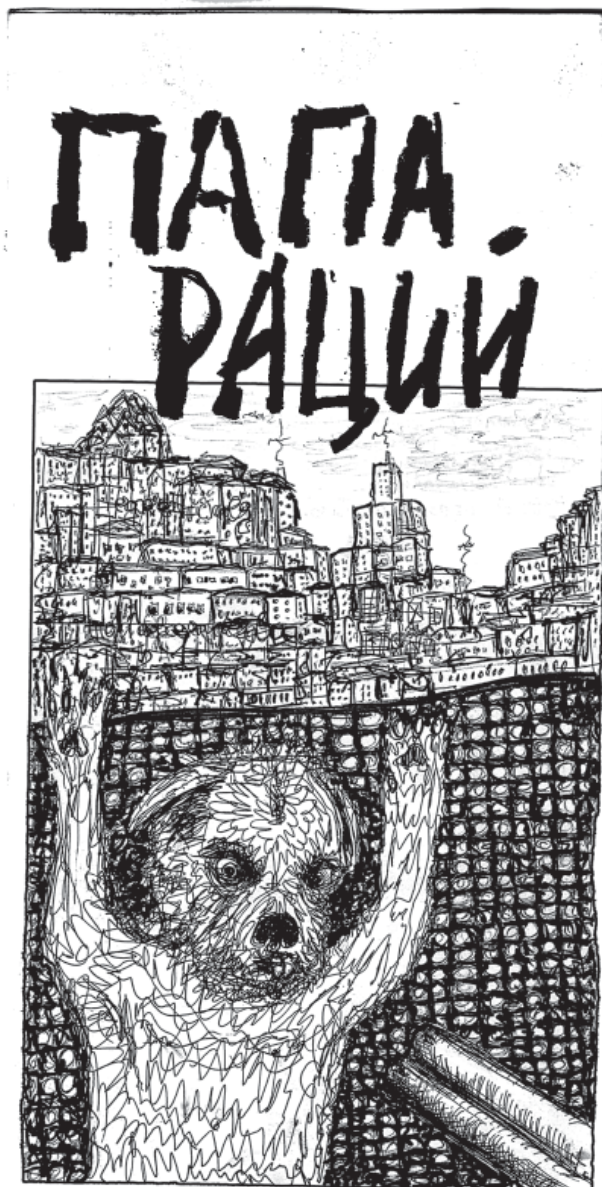
Антидепрессант 54

Владимир Бауэр. ПАПАРАЦИЙ.
Издание второе.
Санкт-Петербург, 2012г.

ISBN 978-5-990117-3-6

тираж: 246 экземпляров

издание осуществлено на средства
благотворительного фонда
“центр актуального искусства“

ВЛАДИМИР
БАУЭР

корректор: а. леонтьев

© владимир бауэр, стихи, 2012г.
© юрий сычев, графика, 2012г.
© андрей федотов (петров),
иллюстрации для обложки, 2012г.
© иван рогов, макет, 2012г.
© издательство rkpublishing, 2012г.

издание второе

rkpublishing

санкт-петербург
2012